

МЕМОУАРЫ ИМПЕРАТОРА ВНЕШНЕЙ ИМПЕРИИ

The background of the cover features a man with long, flowing blonde hair, wearing a dark, heavy, fur-lined robe. He stands in a desolate, mountainous landscape with snow-capped peaks and a cloudy sky. To his right, a large, ornate, dark structure, possibly a doorway or a piece of ancient machinery, is shown with a large, intricate spiderweb pattern on its surface. The overall tone is dark and atmospheric.

УЧЕНИК ПУСТОТЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

— ЕВГЕНИЙ ДОРЕНСКИЙ —

Евгений Доренский

**Мемуары Императора
Внешней Империи.
Книга 1. Ученик Пустоты**

«Автор»

2026

Доренский Е.

Мемуары Императора Внешней Империи. Книга 1. Ученик
Пустоты / Е. Доренский — «Автор», 2026

«Боль — информация. Смех — свобода. Пустота — форма, которая держит чай». Так говорит Тириан, чистокровный эльф, прошедший путь от уличного мальчишки до императора. В своих мемуарах он рассказывает, как потерял всё, чему верил Это тёмное, горькое и странно тёплое фэнтези о том, что потери не делают сильнее — но умение шутить над ними даёт власть. Первая книга цикла «Мемуары Императора Внешней Империи».

Содержание

Пролог	5
Глава 1. О природеначала.	8
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Евгений Доренский

Мемуары Императора Внешней Империи. Книга 1. Ученик Пустоты

Пролог

Я отложил перо и посмотрел в окно. Аврора лежала внизу, укутанная туманом — чёрный камень, зеркальные купола, улицы без названий. Мой город. Моя империя. Моя коллекция ошибок, превращённых в законы.

За спиной скрипнула дверь, и я услышал знакомую тяжёлую поступь. Кассий никогда не умел ходить тихо — не потому, что не умел, а потому что не видел смысла. Зачем красться, когда ты вешишь как небольшая осадная башня? Его шаги всегда звучали как приговор: «Я здесь. Я большой. И мне плевать, что ты об этом думаешь». В иные ночи этот звук меня раздражал. Сейчас — нет.

— Ты опять не спал, — сказал он, останавливаясь в дверях. Огромный, как скала, с неизменным двуручным мечом за спиной. Мы прошли вместе от Крепости Костей до этого кабинета. Двенадцать лет, две войны, одна революция. За это время он научился читать моё лицо лучше, чем я сам — и это при том, что я эльф, чистокровный, с лицами у нас вообще негусто.

Я повернулся на стуле, разминая затекшую шею. Свечи догорели почти до конца, лишь одна ещё трепетала в медном подсвечнике, отбрасывая пляшущие тени на свитки. На столе громоздились исписанные листы, чернильница с засохшими разводами, остывший чайник и моя левая рука, которая почему-то решила, что сейчас хорошее время, чтобы начать мелко трястись. Я спрятал её под стол.

— Спать — удел смертных, — ответил я. — А я эльф. Мне можно.

— Ты эльф уже полвека, но мешки под глазами у тебя как у пьяного наёмника.

— Это не мешки. Это архивы пережитого. У нас они выглядят именно так. Каждая бессонная ночь оставляет след, просто у людей эти следы быстрее превращаются в морщины, а у нас — в достоинство.

Кассий хмыкнул — тем звуком, который у него означал одновременно «ты дурак» и «ямой лучший друг». Он вошёл, оглядел бардак на столе, потрогал чайник, скривился. Потом кивнул на сундук в углу:

— Вчера ты опять уснул за столом. Я принёс одеяло. Вот, валяется на сундуке. Хотя тебе-то всё равно, ты же эльф, тебе мороз нипочём.

Я не ожидал этой бытовой реплики. Кассий обычно не занимался такими вещами — у него были для этого слуги, адъютанты и вообще принцип «я воин, а не нянька». Но одеяло лежало на сундуке. Шерстяное, грубое, армейское — такое выдают в гарнизонах на северной границе. Я помолчал несколько секунд, собирая в кулак то, что не умел выразить.

— Спасибо, — сказал коротко. Слово вышло хриплым, будто я его откашлял.

Кассий кивнул, словно ничего особенного не произошло. Умение делать вид, что всё в порядке, когда на самом деле всё идёт к чёрту, — это у нас было общим. Он подошёл к столу, взял верхний лист, пробежал глазами несколько строк. Нахмурился, хмыкнул снова.

— «Боль — информация». Это ты сам придумал?

— В одиннадцать лет. На арене. Когда меня били палкой по рёбрам.

— Красиво. Но звучит так, будто ты оправдываешься.

Я взял чайник, налил в кружку то, что когда-то было чаем. Горькая, холодная бурда. Сделал глоток — и не поморщился. Привык.

— Я не оправдываюсь. Я объясняю. Это разные вещи. Оправдание — для слабых. Объяснение — для тех, кто хочет понять. Если, конечно, кто-то захочет.

— Ты правда решил это написать? — Кассий отложил лист и посмотрел мне прямо в глаза. В его взгляде не было сомнения — только тоска. Такая же, как у меня, только спрятанная глубже.

— Правда. Кто-то должен. Вэл слишком стар, Немой слишком нем, а ты слишком неграмотен.

— Я грамотен. Просто не люблю читать.

— Вот именно.

Он хотел сказать что-то ещё, но промолчал. Вместо этого сел на край стола — массивный дуб даже не скрипнул, — сложил руки на груди и уставился в окно. Туман над Авророй начал редеть, открывая башни и шпили, похожие на застывшие языки пламени. Где-то там, в тронном зале, меня ждали министры. Где-то там, на границах, тлела война. Где-то там, в Чертогах Затмения, она всё ещё ждала. Моя богиня. Мой паразит. Мой единственный зритель, которому я никогда не доставлю удовольствия увидеть меня сломленным.

— Ты пишешь, чтобы не скорбеть, — сказал Кассий.

— Я пишу, чтобы превратить скорбь в работу. Скорбь — налог для слабых. Я предпочитаю инвестиции.

— И как, выгодно?

— Узнаем через триста лет. Чистокровные эльфы живут долго. У меня есть время подвести баланс.

Кассий покачал головой. Он не любил говорить о моём долголетию — напоминание о том, что он умрёт раньше, а я останусь, действовало ему на нервы. Вместо ответа он взял мою чашку, отхлебнул холодный чай и скривился, как от укуса.

— Гадость.

— Это чай Тэона. Рецепт. Горький, потому что жизнь горькая. Пей.

— Не буду. — Он поставил чашку с таким видом, будто она могла его укусить. — Значит, это будет книга?

— Это будет несколько книг. Первая — о том, как я стал собой. Или перестал быть тем, кем меня сделали. Это как посмотреть.

— И кому это нужно?

— Мне. И, возможно, тем, кто захочет понять, как строится империя. Скажу сразу: не на героизме. На потерях.

Он помолчал. Достал из-за пояса фляжку — я знал, что там не вода, но не стал замечать. Он сделал глоток, крикнул, спрятал обратно. Весь ритуал занял три секунды, и за это время его лицо успело сменить выражение с усталого на решительное и обратно.

— Я пришлю Вэла, — сказал он, поднимаясь. — Пусть вычитает. А то у тебя стиль — как у гладиатора: коротко, резко и слишком много крови.

— Зато честно.

— Честность — это твоя единственная добродетель.

— И самая бесполезная. Но я её культивирую.

— Культивируй. — Он направился к двери, но на пороге остановился. Не оборачиваясь, бросил: — Ты знаешь, что она не придёт. Даже если ты напишешь самое гениальное признание в мире. Ей плевать.

Я не ответил. Он ушёл, закрыв за собой дверь так тихо, насколько позволяли его ботинки — а позволяли они немного.

Я снова взял перо. Обмакнул в чернильницу, провёл по краю, чтобы не капало. И замер.

Мысль пришла внезапно, как удар в спину: А что, если никому это действительно не нужно?

Я прожил пятьдесят восемь лет. Построил империю. Уничтожил две династии. Написал Кодекс, который изучают в академиях по всему континенту. И сейчас сижу в кабинете, окружённый свитками, и боюсь, что мои мемуары окажутся никому не нужны. Как детская горбушка хлеба, которую я украл у мясника. Тёплая, вкусная — и съеденная в одиночестве.

Я усмехнулся. Тэон говорил: «Смех — это свобода». Я добавил к этому свой пункт: смех — это ещё и оружие. Особенно когда ты чистокровный эльф и все вокруг ждут, что ты будешь возвышенным и печальным. А ты вместо этого пишешь мемуары и тебе плевать, прочтает ли их кто-нибудь, кроме Кассия и мертвецов.

Я поставил первую букву.

«Моё первое воспоминание — вкус земли».

Слово за словом, предложение за предложением, я проваливался в прошлое, как в холодную воду. Не больно. Не страшно. Неизбежно.

За окном поднималось солнце, заливая Аврору золотом. Где-то там, внизу, город просыпался — торговцы открывали лавки, стража менялась у ворот, дети бежали в школы, которые я построил. Мои школы. Мои законы. Моя империя.

Я писал, и чернила ложились на бумагу ровно, как солдаты на плацу. Я писал о мальчике, который не знал своего имени, и о старике, который научил его смеяться. Я писал о крови и чае, о предательстве и верности, о пустоте, которая оказалась не дырой, а сосудом.

И где-то далеко, в Чертогах Затмения, моя богиня смотрела на меня сквозь зеркала. Я знал это. Чувствовал её взгляд — тяжёлый, влажный, как воздух перед грозой. Она ждала. Всегда ждала. Надеялась, что я сломаюсь. Что напишу что-нибудь слабое, жалкое, человеческое. Что подам ей знак.

Я усмехнулся и продолжил писать. Моя свобода — это единственное, чего она не может у меня отнять.

Глава 1. О природеначала.

Говорят, эльфы помнят своё рождение. Ложь. Моё первое воспоминание — вкус земли. Мокрой, смешанной с золой, после дождя, который шёл трое суток. Я сидел у стены, прижимаясь спиной к холодным камням, и слизывал эту грязь с пальцев, потому что больше было нечего. Голод — странная штука: он отключает всё, кроме одной простой команды. Живи. Любой ценой.

Мне было, наверное, года четыре. А может, пять. Возраст — это ярлык, который вешают на тебя другие; я никогда не знал своего точно. Время течёт по-разному для разных существ. Для человека один год — один год. Для эльфа — миг, который можно растянуть или сжать, как мех кузнечных мехов, если знаешь как. Я не знал. Я просто чувствовал, что дни тянутся дольше, чем у тех, кто меня окружал. И что я медленнее устаю. И что раны заживают быстрее. Это казалось мне нормальным — пока я не понял, что для других это ненормально.

Я был эльфом. Это единственное, что я знал о себе. Не потому, что помнил родителей — я не помнил ни отца, ни матери. Они исчезли раньше, чем я научился складывать слова в осмысленные фразы. Я не знал их лиц, их имён, их судьбы. Может быть, их убили. Может быть, они бросили меня. Может быть, они умерли сами — от болезни, от меча, от старости. В мире, где эльфы редкость, а чистокровные — почти миф, причин для исчезновения хватает. Но я знал, что я эльф, потому что уши у меня были острыми и заострёнными кверху, а волосы — слишком светлыми для здешних мест. И ещё потому, что взрослые, когда думали, что я не слышу, называли меня «остроухим выродком» и сплёвывали в сторону.

Позже, много позже, я узнал, что такое «чистокровный» и почему людей пугает одна только мысль о моём существовании. Но в детстве это знание было простым, как погода: я — другой. И этого достаточно, чтобы тебя ненавидели. Достаточно, чтобы били. Достаточно, чтобы не кормили.

Мать и тец — кто бы они ни были — оставили мне только кровь. Тягучую, как смола на коре старого дерева. Она давала мне время. Остальное я добывал сам.

Улицы не учат философии. Они учат смотреть на руки прохожих: сжаты ли пальцы в кулак, держат ли камень, тянутся ли к поясу. Они учат спать так, чтобы проснуться от любого звука, кроме собственного крика во сне. Кричать нельзя — крик привлекает. Либо стражу, либо тех, кто сильнее тебя. И то, и другое заканчивается болью.

Я изучил эти правила раньше, чем научился складывать цифры. Спать в подворотнях, где стекается дождевая вода — мокро, но безопасно, потому что бродяги туда не суются. Воровать еду на рынке — только с лотков, где мясник отвернулся, и только одну вещь за раз, чтобы не заметили. Убегать — всегда зигзагами, потому что по прямой поймают. Прятаться — в мусорных баках, если пахнет достаточно сильно, чтобы собаки не лезли, а люди обходили стороной.

Я не помню, когда именно оказался на улице. Детская память стирает границы между днями, оставляя только картинки — яркие, как вспышки молнии, и такие же быстрые.

Помню тёплый полдень. Солнце висело низко, осеннее, ещё не зная, что скоро умрёт до весны. Я брёл вдоль рядов мясной слободы — запах крови и пряностей смешивался с дымом из труб. У одного лотка, прямо на краю, лежала горбушка хлеба. Свежая. С хрустящей коркой, посыпанная тмином. Мясник возился с тушей за спиной — слышно было, как скребёт ножом по кости. Я не думал. Не успел. Моя рука схватила хлеб раньше, чем мозг принял решение.

Я побежал.

Сердце колотилось где-то в горле. Воздух свистел в ушах. Ноги сами несли меня по переулкам — влево, вправо, через чей-то двор, под навес, через лужу. Хлеб был тёплым — я прижимал его к груди, чувствуя, как пар пробивается сквозь рубашку. Погони не было. Мясник

либо не заметил, либо не захотел связываться с воришкой. Но я бежал всё равно — по инерции, по привычке, от страха, который остался со мной навсегда.

Смех пришёл внезапно. Я засмеялся — громко, взхлёб, почти истерично, — потому что получилось. Потому что я бегу, и хлеб тёплый, и меня не поймали. Никакой философии. Никакого расчёта. Просто я, хлеб и этот дурацкий, никому не нужный восторг, от которого щипало в груди.

Я спрятался в подворотне, съел горбушку, обжигаясь и давясь, и почувствовал себя почти счастливым. Впервые в жизни. А потом пришёл вечер, и голод вернулся, и счастье ушло. Но тот миг остался. И когда много лет спустя кто-то спросил меня, могу ли я вспомнить что-то чистое, не запятнанное кровью, я вспомнил горбушку, украденную у мясника.

К одиннадцати годам — или к тому, что люди называли бы одиннадцатью годами — я был худым, жилистым существом с длинными светлыми волосами и голубыми глазами. Мои уши были заметно острее человеческих, и это делало меня мишенью. Другие беспризорники дразнили меня «остроухим», взрослые смотрели с подозрением, а иногда и с отвращением. Я не понимал, в чём моя вина. Я просто был. Но я быстро усвоил: эльф на человеческих улицах — это либо трофей, либо угроза. Либо и то, и другое.

Я никогда не держался с другими детьми. Не потому, что считал себя лучше — просто я был другим, а стаи не любят чужаков. Иногда меня били — за то, что я эльф, за то, что я ворую еду с их территории, за то, что просто подвернулся под руку. Иногда я давал сдачи. Никто из них не был быстрее меня. Я не знал, откуда бралась эта быстрота — просто в какой-то момент я уже уклонялся, а кулак или камень летели мимо. А потом я бил в ответ. И они отступали.

Одиночество — плохая защита, но лучшей у меня не было.

Осенью меня поймали. Осенью всегда ловят — урожаем собран, работы мало, зато много свободных рук, которые надо чем-то занять. Жатва — так называлось это развлечение. Сто детей — нищих, беспризорных, проданных родителями за долги, просто украденных в портовых городах, — выходят на арену Кровавого Круга. Один выходит живым. Толпа ревёт, король ест виноград, а золото течёт в казну.

Человек, схвативший меня, пах луком и кислым вином. У него были руки мясника — толстые, с короткими пальцами и рыжими волосками на тыльной стороне, почти не чувствующие боли. Он сгрёб меня за шкуру, поднял в воздух, встряхнул, оценивая взглядом. Я болтался, как тряпичная кукла, и даже не пытался сопротивляться — бесполезно.

— Остроухий, — сказал он задумчиво. — Эльф. Настоящий, что ли? Таких ещё не было. Возьмут.

Он сунул меня в мешок, затянул горловину, и я затих в темноте, пахнувшей дёгтем и чем-то кислым. Я не плакал. Я думал. О том, что мог бы убежать, если бы заметил его раньше. О том, что не заметил — значит, устал. О том, что устал — значит, плохо следил за собой. И о том, что теперь это уже не важно.

Меня бросили в клетку с другими детьми. Там было темно — только тусклый свет факелов пробивался сквозь решётку, оставляя на грязном полу длинные полосатые тени. Воняло мочой, страхом и прелой соломой. Дети плакали. Кто-то звал мать. Кто-то молился богам, которых я не знал. Кто-то сидел в углу и молча смотрел перед собой пустыми глазами, уже сдавшись.

Один мальчик выделялся. Рыжий, веснушчатый, примерно моего возраста. Он не плакал. Не молился. Не смотрел в пустоту. Он сидел, прислонившись к прутьям, и методично, спокойно рассматривал остальных. Оценивал. Я заметил это сразу — потому что сам делал то же самое. Наши взгляды встретились на секунду. Он чуть кивнул — едва заметно, как бы говоря: «Я тебя вижу. И ты меня видишь. Хорошо». Потом отвернулся.

Я запомнил его. Рыжий мальчик, который не плакал.

Нас держали три дня. Кормили хорошо — каша с мясом, хлеб, чистая вода. Толстяки-распорядители в кожаных фартуках, забрызганных чем-то бурым, ходили вдоль клеток, выкрикивали цифры, делали пометки в засаленных бумагах. Они смотрели на нас, как смотрят на скот перед забоем: этот даст хорошее мясо, этот — жилистый, но бойкий, этого можно пустить первым.

— Пятьдесят седьмой, — сказал один, указывая на меня пальцем с грязным ногтем. — Эльф. Медленнее стареет, быстрее двигается. Поставь в конец, пусть потянет.

Так я стал номером пятьдесят семь. Имя у меня забрали. Вернее, его никогда и не было. То имя, которое я выбрал себе сам, появилось позже, в другом месте, при других обстоятельствах.

На третий день нас вывели на арену.

Кровавым Кругом назывался этот амфитеатр. Старая, ещё имперских времён постройка, врытая в землю, с каменными стенами, покрытыми мхом и копотью факелов. Ложи для знати наверху, огороженные резными перилами, с мягкими подушками и столиками для закусок. Внизу — жёлтый песок, утрамбованный до тверди, с тёмными пятнами, которые не выводились уже много лет.

Король присутствовал лично. Я видел его мельком: гора жира на золотом троне, маленькие заплывшие глазки, борода, усыпанная крошками. Он жевал что-то — то ли виноград, то ли сливы — и смотрел на арену с равнодушным любопытством человека, который уже видел сотню таких жатв. Рядом сидела королева — худая, как жердь, с лицом, застывшим в маске скуки. Она не смотрела на нас. Она смотрела на свои ногти.

Нам раздали оружие. Не мечи и не копья — это было бы слишком гуманно, слишком быстро. Ножи, затупленные на концах, чтобы не убивали с одного удара, а мучили. Палки, обмотанные ржавой проволокой. Верёвки с петлями. Несколько камней — обычных булыжников, какие валяются на любой дороге. Кому-то досталась сломанная подкова, кому-то — деревянная ложка. Я взял камень. Гладкий, удобно лежащий в ладонь, с заостренным краем — такой можно вбить в висок, если ударить с нужной силой. Я не знал, с какой силой надо бить. Но я догадывался.

Рыжий мальчик взял верёвку. Сложил её в петлю и намотал на кулак — профессионально, как делают те, кто уже пробовал удавить. Я заметил это. Он заметил, что я заметил. Опять этот короткий обмен взглядами, ничего не значащий и всё решающий.

Рог проревел.

Сто детей — сто маленьких жизней, ещё не начавшихся, — бросились друг на друга. Первые минуты — это хаос, который не описать словами. Кровь, крик, хруст костей, песок, взлетающий в воздух и оседающий красным. Кто-то пытался залезть на стены, срывая ногти до крови. Кого-то затоптали свои же, пытаясь добраться до безопасного угла. Девочка лет семи стояла в центре и визжала — высоко, пронзительно, как чайка, — пока мальчик постарше не ударил её камнем по голове. Она упала, не переставая визжать, и долго ещё дёргалась в песке, пока кто-то не добил её ножом.

Я не двигался. Я прижался спиной к стене — холодный камень с острыми гранями, впивающимися в лопатки — и ждал. Ждать я умел. Рыжий тоже не бросился в мясорубку — он отошёл к противоположной стене, верёвка болталась в его руке. Мы оказались по разные стороны арены, но наши взгляды пересекались поверх мельтешащих тел.

Ко мне подбежал парень с прутом. Ржавый, выломанный из какой-то ограды, на конце — заусенец, которым можно распороть кожу. Он был старше меня года на три — высокий, широкоплечий, с бычьей шеей и маленькими, злыми глазами. Его лицо горело — не злобой, а странным восторгом, словно он всю жизнь ждал разрешения убивать и наконец получил его.

— Остроухий, — прошептал он, поднимая прут. — Сдохни.

Он ударил. Прут просвистел в воздухе, целясь мне в голову. Я уклонился — ровно настолько, чтобы он задел плечо. Боль обожгла кожу, но кость осталась цела. Парень был сильнее, но медленнее. Он привык бить тех, кто не может ответить — кто замирает от страха, прикрывает лицо руками, плачет.

Я не замер. Я не заплакал.

Он замахнулся снова. На этот раз я не стал уклоняться. Я шагнул вперёд, в его атаку, и в тот момент, когда прут пошёл вниз, я оказался слишком близко для удара. Его рука задела моё плечо — вскользь, не больно. А мой камень вошёл ему в висок.

Не в лоб — промахнуться легко. А именно в висок, где кость тоньше, где за ней — тонкая плёнка, а под ней — мозг. Я не знал анатомии. Я не учился этому. Моя рука просто сделала то, что казалось правильным. Камень ударил ровно в то место, куда я целился.

Парень рухнул. Даже не охнув. Его глаза закатились, прут выпал из разжавшихся пальцев и покатился по песку, оставляя за собой кровавый след — видимо, он поранил руку, когда падал. Я посмотрел на него. Он не дышал.

Я убил первого человека, когда мне было одиннадцать.

Я не почувствовал ничего. Ни тошноты, о которой говорили старые солдаты. Ни гордости. Ни страха. Ни облегчения. Только холодную, чистую тишину, как в погребке глубокой зимой. Я смотрел на тело, на песок, пропитанный кровью, и ждал — может быть, слёзы? Может быть, дрожь? Может быть, что-то, что докажет, что я ещё человек? Но тело молчало. Только правая рука — та, что держала камень — мелко тряслась. Не от страха. Не от холода. Просто тряслась, как чужая.

Я спрятал её за спину. Сжал в кулак, пока суставы не побелели. Через минуту дрожь прошла. Контроль вернулся.

Я подобрал прут.

Вокруг продолжалась резня. Крики стали тише — многие уже умерли, многие затихли, прячась за трупами. Из сотни детей в живых оставалось, наверное, меньше полусотни. Может быть, тридцать. Может быть, двадцать. Я не считал.

Я услышал его голос прежде, чем увидел.

— Сзади!

Рыжий. Он стоял у стены, верёвка с петлёй в руке, и показывал глазами мне за спину. Я обернулся. Двое — похожие, с тупыми одинаковыми лицами, наверное, братья — шли на меня, размахивая ножами. Один держал нож как кинжал, лезвием вниз. Второй — как ложку, неумело, будто боялся порезаться.

Я не успел бы один.

Рыжий бросил верёвку. Петля захлестнула шею ближайшего из братьев, затянулась, и он упал на спину, хрипя, царапая горло ногтями. Нож выпал из его руки. Второй на секунду отвлёкся — взглянул на брата, пытаясь понять, что происходит. Мне хватило. Камень, который я не выпускал из левой руки, ушёл в его челюсть — хрустнуло, и он пошатнулся, теряя равновесие. Я добил его прутом — в горло, наотмашь. Прут вошёл ровно туда, куда нужно.

Он упал рядом с братом. Тот ещё хрипел, но уже слабее. Я подошёл к нему, пнул в голову — не из жестокости, чтобы добить. Хрип прекратился.

— Неплохо, остроухий, — сказал Рыжий, подходя ближе. Он тяжело дышал, но улыбался — кривой, насмешливой улыбкой, которая не вязалась с кровавым песком и горами трупов. — Может, не сдохнем.

— Может, — ответил я.

Он протянул руку. Я пожал её. Ладонь у него была липкой от чужой крови.

— Рен, — сказал он.

— У меня нет имени.

Он посмотрел на меня странно — не жалостливо, скорее оценивающе.
— Значит, придумаем потом. А сейчас — держись рядом. Вдвоём веселее.

Мы стали парой. Рен и я. Молчаливый и рыжий. Камень и верёвка.

Мы двигались вдоль стен, не ввязываясь в драки, если можно было обойти. Рен был хладнокровнее, чем я ожидал. Он не кричал, не матерился, не терял головы. Он просто делал то, что нужно: бил, уклонялся, отступал, снова бил. Верёвка работала как продолжение его руки — он набрасывал петлю на шею, на руку, на ногу, выводил противника из равновесия, а я добивал. Мы притёрлись друг к другу за какие-то минуты — словно дрались вместе всю жизнь.

К концу дня в живых осталось семеро. Мы с Реном убили четверых — каждый по два, плюс одного вместе. Я не буду описывать каждую смерть — они слились в одну бесконечную резню, где песок стал красным, а воздух — липким от запаха железа. Скажу только: к закату я знал три вещи.

Первое: я могу убивать. Могу быстро, точно, без колебаний. Это не гордость, это констатация факта. У меня был талант к смерти. Не обучение — талант. Моё тело знало, куда бить, как бить, когда бить, ещё до того, как мой мозг успевал сформулировать мысль.

Второе: Рен стал моим — не другом, нет. Друг — это слишком тёплое слово. Он стал моим союзником. Мы спасли друг другу жизни трижды. Я вытащил его, когда один из противников прижал его к стене и уже заносил нож. Он задушил верёвкой парня, который подбирался ко мне со спины, пока я возился с другим. Мы были командой.

Третье: кого-то надо убить, чтобы выжить. И этим кем-то должен был стать один из нас.

Когда на арене осталось только двое — я и Рен — мы стояли друг напротив друга. Прут я давно потерял, остался только камень и затупленный нож, который я подобрал с трупа. Рен сжимал в руке верёвку. Петля болталась на его плече, пропитанная кровью.

Толпа редела. Десять тысяч глоток требовали развязки. Король подался вперёд, его жирные пальцы сжимали подлокотники трона.

— Давай, остроухий! — кричали сверху. — Убей его! Убей!

Рен посмотрел на меня. В его глазах не было страха — только усталость и странное, почти взрослое понимание.

— Ты быстрее, — сказал он. — Я знаю.

Я молчал.

— Ты мог помочь тому парню у стены, — продолжал он. — Я видел. Ты мог, но не стал.

Это была правда. Часом раньше я видел, как двое навалились на него, пытаясь прижать к стене. Я мог броситься на помощь — расстояние позволяло. Но я замешкался. На секунду. Этой секунды хватило, чтобы он оказался на грани смерти. Он выкрутился сам — верёвкой, оглушил одного ударом сапога в колено, второго удавил. Но Рен заметил мою заминку.

— Ничего, — Рен пожал плечами. — Я бы тоже не стал.

Он опустил руки и просто смотрел на меня.

— Давай. Только быстро.

Я помню каждую деталь этого момента. Запах крови — сладковатый, приторный, как испорченное мясо. Крики толпы — они сливались в один непрерывный гул, похожий на рёв водопада. Красное солнце над краем арены — оно садилось, и лучи били прямо в глаза. И его лицо — в веснушках, испачканное грязью и чужой кровью, с улыбкой, которая говорила: «Я всё понимаю. Давай уже, не тяни».

Я поднял камень.

Моя рука не дрожала.

Камень ударил его в горло — то место, где кадык у мальчишек, чуть выше ключицы. Сильный удар, вложивший всю тяжесть тела. Я не хотел, чтобы он мучился. Рен упал на колени,

потом на бок. Его глаза смотрели на меня — живые, понимающие. Улыбка застыла на губах. Он не сказал больше ни слова.

Толпа взорвалась восторгом. Король что-то кричал, размахивая кубком, вино расплёскивалось и падало на его бархатный камзол. Кто-то бросил на песок монету — древний обычай, плата победителю. Монета упала рядом с телом Рена и застыла, блестя на солнце.

Я стоял над ним. Не знаю, сколько времени. Может быть, секунду. Может быть, вечность.

Солнце село. На арену спустились сумерки. Кто-то схватил меня за руку и поволок прочь. Я не сопротивлялся.

Так началась моя история. Не рождение героя. Не пророчество о великом в

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.